

Сэм Альфсен

РАССЕИВАЯ
СУМРАК ИЗ БЕЗДНЫ
К ЗВЕЗДАМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Иллюстрации на обложке и во внутреннем оформлении
Norberto Rosewhite

Дизайн обложки *Елены Лазаревой*

Альфсен, Сэм.
А59 Рассеивая сумрак. Из бездны к звездам / Сэм Альфсен. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Книжный клуб Мирай).

ISBN 978-5-17-176339-8

Решающее сражение с Дарвелем и Тиамой состоится, а герой вне зависимости от обстоятельств погибнет.

Но что, если Нуску не устраивает такой исход? Возможно ли не только вмешаться в судьбу, но и перекроить ее подчистую, игнорируя предостережения духов? Нуску ждут тяготы и испытания, на которые он подписался сам, ведь никто в этом мире, над ним или под ним, не в состоянии сломить его решимость. Таков путь, который он избрал для себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176339-8

© Сэм Альфсен, 2026
© Norberto Rosewhite, иллюстрация на обложке
© В оформлении использованы материалы
по лицензиям © shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Том 4

Пролог

Встреча и расставание

Тяжелые тучи собрались над Скиданом. Стояла поздняя пора облетающего сезона. В воздухе повисла влага и сильный аромат опавшей листвы. Порывы ветра трепали тяжелый плащ Нуски, но он брел через равнину к непроглядной чаше.

Одиночество тяжким бременем лежало на плечах. Ветер приносил с собой обрывки тихих разговоров и тоскливого плача. Вновь начал накрапывать дождь, но никто из собравшихся сегодня в предместьях Эрьяры и не рассчитывал на хорошую погоду. Все-таки это были похороны фасидца.

После смерти сурии трупа обычно не оставалось. Поэтому в Эрьяре устанавливали маленький памятник, проводили поминальную церемонию и произносили прощальные слова.

Нуска ненавидел это всем своим существом, но и отказать от участия не мог. Что толку мертвецу от па-

ры-тройки добрых слов? Встанет из земли, улыбнется и пожмет вам руку? О какой памяти можно говорить, если век человека так короток. Нуска уже несколько лет не мог отделаться от ощущения, что вся его жизнь превратилась в череду похорон. Знакомые, друзья, важные служащие, главные сурии... Заканчивали все одинаково. Не пройдет и пары десятков лет, как умрут и те, кто присутствуют на похоронах сегодня.

Какая память? О чем речь? В чем смысл памяти, если и она в один день будет зарыта в землю?

Нуске казалось, что он живет на этом свете слишком долго. Мучительно долго. Жизнь хаванца длинная. На твоих глазах рождаются, вырастают, стареют и умирают, а ты продолжаешь жить, нести бремя памяти в одиночестве.

А ведь расставаться навсегда — это так больно.

Нуска припрятал во внутренних карманах маленькую бутылочку спиртного, привезенную из Карбора. Оказавшись в одиночестве, Нуска наконец позволил себе развалиться под деревом и присосаться к бутылке. Это пошло было очень крепким и обжигало горло. Пара глотков — и Нуска уже раскраснелся, а тело охватил жар.

Напевая под нос какую-то тюремную песенку, лекарь отдыхал и предавался воспоминаниям, пока не услышал шаги.

Стражники прочесывали лес и звали Нуску. Кажется, о нем все-таки вспомнили, как же некстати!

Нуска поднялся, спрятал бутылку обратно, стряхнул яркие красные листья со своего синего наряда, традиционного для фасидской похоронной церемонии, задумчиво почесал затылок, а затем бросился бежать.

Когда стража уже наступала на пятки, кто-то схватил Нуску за ногу и рывком затащил в волчью яму. Лекарь так и покатился кубарем вниз. Слава духам, что на дне не ока-

залось кольев, да и крыша была сплетена из длинных веток, и незнакомец легко установил ее обратно. Хоть листья теперь и не прикрывали ловушку целиком, но найти Нуску стало непросто.

Стражники каким-то чудом миновали ловушку и продолжили поиски. Вероятно, они же ее и установили для поимки волчаков и иной дичи.

На секунду Нуска растерялся. Не было и не будет больше человека в Скидане, который мог бы попытаться ему навредить. Лекаря хоть ножами режь, хоть мечами протыкай — он восстановится и залечит раны с такой скоростью, что вошедший в плоть меч может застрять в нем, как в камне.

Однако затем в голове мелькнула мысль. Трижды в своей жизни он оказывался в такой ситуации. Но разве это возможно?..

Нуска осветил яму несколькими сгустками светлой дэ. Света от них было немного, но хотя бы появилась возможность разглядеть человека, который затащил его в яму.

Это был мальчишка лет пяти с черными волосами и белой маской на лице. От него чувствовалось легкое дуновение темной дэ, но в остальном он походил на человека. Только вот Нуска легко разоблачил этот обман. Эта сущность почти не издавала звуков, от нее не исходил человеческий запах, даже тень, которую она отбрасывала, можно было с трудом охарактеризовать как человеческую.

Несколько раз Нуска открывал рот и закрывал, не зная, как правильнее обратиться. Затем все же обошел неуместное приветствие и сказал:

— А ведь ты говорил, что мы никогда не встретимся. Врунишка.

Глаза мальчика ярко сверкали из-под маски, и на секунду их заволокло странной дымкой. И он сказал то, что никогда бы не сказал маленький несмышленный ребенок:

— Встреча и расставание — это бытие и ничто. Они противоположны и не могут существовать одновременно, но одно неспособно возникнуть без второго. Как жизнь и смерть, как день и ночь, как начало и конец, так и встреча и расставание.

Нуска покачал головой.

— Будь все так просто, мы бы могли надеяться на встречу после каждого расставания. Но смерть разрывает этот круг.

— Когда ты встречаешься с миром, у тебя всегда есть некие ожидания. Порой они не оправдываются. Ты надеешься на встречу, но она так и не происходит. Это и есть «ничто». И оно существует лишь в пределах твоих ожиданий.

Нуска хмыкнул и отвернулся, приготовившись к очередной нотации. Достал свою бутылку со спиртным и как следует заправился перед отправкой в это незабываемое путешествие.

— Это не меняет того факта, что я больше никогда не встречу тех, с кем расстался.

— Я говорил, что мы никогда не встретимся. Вы были уверены, что мы не встретимся. Но мы встретились. И так во бытие.

Нуска ничего не смог на это возразить. Лишь пьяно улыбнулся, протянул руку и растрепал волосы на макушке ребенка.

— Этот облик такой милый!

Мальчишка на секунду надулся и сложил руки на груди. Хоть его речи и манеры были совсем как у взрослого, но совсем не вязались с его внешним видом.

— Вас не удивляет факт того, что я вернулся? — наконец спросил мальчик.

Нуска задумался, покрутил бутылку в руках, затем расположился поудобнее. Что на траве валяться, что

в яме, что в темнице, что на кровати — для Нуски все было едино.

— Я давно перестал удивляться. Это было ожидаемо с того момента, как твой хозяин получил оружие дэ. Но я не догадывался о том, что у оружия такая долгая память.

Мальчик, казалось, довольно хмыкнул. Вероятно, он сейчас улыбался.

— Я некоторое время наблюдал за вами. Даже на похоронах вы не смогли не скривиться на словах о «вечной памяти». Сейчас же вы удивляетесь тому, что меч способен вас помнить.

— Какой толк от памяти меча?

Мальчик вдруг лег посреди ямы, заложил руки за голову и посмотрел наверх. Через просвет в том месте, откуда свалился Нуска, виднелся серый клочок неба. Недолго думая, лекарь тут же упал рядом с мальчиком и тоже уставился вверх. Он чувствовал себя жуком, которого поймали в ведро.

— Памятью обладают не только люди, господин Нуска. Деревья, горы, реки, моря, города, предметы, сама земля. Вы объездили весь Скидан и бывали в Сони. Разве вам не довелось узнать, что один человек способен оставить на самом мироздании след, который даже духам будет не под силу стереть? Память — это не тяжкое бремя. Память — это подлинное доказательство нашего существования.

До этого момента Нуска лежал в расслабленной позе, закинув ногу на ногу, но на последних словах сел. Листья и грязь прилипли к его плащу, но его это не заботило.

— Неужели недостаточно того, что я существую? Разве тому нужны доказательства? — пробормотал он.

— Вся ваша жизнь — это попытка доказать свое существование. Каждое действие, которое вы совершаете, каждая цель, которую вы перед собой ставите. И это нор-

мально. Вопрос в другом: почему вы хотите отказаться от этих доказательств?

Нуска нахмурился и взглянул на мальчика. Лгать не хотелось, поэтому он сказал:

— Потому что я боюсь боли, которую приносит мне память.

Тогда мальчик подсел ближе и своими маленькими ладошками обхватил руку Нуски. Он крепко сжал ее и сказал:

— Страх тоже доказывает ваше существование. Ведь что-то всегда лучше, чем ничего, верно, господин Нуска? Неужели вы хотите прожить пустую жизнь, ничего не чувствовать и ничего после себя не оставить? Разве вы хотите такой жизни для других людей? Разве вам не кажется это жестоким?

Нуска криво улыбнулся, но позволил малышу держаться за свою руку. Он ответил:

— А разве не жестоко рождаться только для того, чтобы умереть?

Мальчик тихо вздохнул, опустил руки и покачал головой. Он вскинул голову и уставился на просвет в крыше.

— Тогда вы останетесь в этой яме? — язвительно спросил он.

— С чего ты так решил? — удивился Нуска.

— Если уж рождаться жестоко, то лучше и вовсе не появляться на свет. Раз конец один, то почему бы вам не просидеть в этой яме до самого конца? Неужели вы не замечаете противоречий в своих словах?

Мальчик легко взобрался наверх по выдолбленным в земле выступам, а затем сбросил Нуске веревку.

Несмотря на все свои слова о бессмысленности жизни, рождения или памяти, Нуска, не задумываясь, схватился за конец веревки и выбрался наружу. Затхлый запах земли отступил, а лекарь почувствовал облегчение, оказавшись на открытой местности. Свежий ветер растрепал

его волосы, а холодные лучи звезды наконец выглянули из-за облаков.

— Вот видите, Нуска. Что-то — это всегда лучше, чем ничего.

Нуска смог лишь беспомощно рассмеяться. Это выглядело так глупо! Маленький мальчик поучает его... Ну что за глупость!

Мальчик высоко задрал голову и взглянул на Нуску из-под своей маски.

— Поэтому, господин Нуска, лучше встретиться, но расстаться, чем не встретиться никогда. Лучше голодать, чем никогда не попробовать пищи, лучше чувствовать боль, чем ничего не чувствовать, лучше бояться, чем никогда не испытывать эмоций. И быть всегда лучше, чем не быть вовсе.

Возможно, из-за того, что с их последней встречи прошло много лет, а Нуска набрался опыта, он впервые с теплом на сердце смог ответить:

— Я согласен с тобой.

Мальчик тихо засмеялся, а затем помахал рукой на прощание. Его фигура очень быстро растворилась в тени деревьев. Нуска с трудом поборол желание броситься следом и нагнать его, поговорить еще. Но, видимо, это существо сказало все, что хотело.

Сегодня Нуска не чувствовал себя так уж плохо и не был в опасности в отличие от предыдущих встреч с этим созданием. Так почему оно явилось, да еще и в облике маленького мальчика?

День подходил к концу. Стражу было не видать, поэтому Нуска со спокойной душой направился в город. Он прогулялся по знакомым улицам, купил сладкие булочки с маком и вновь наполнил свою бутылку алкоголем.

Несмотря на то, что эта встреча выдалась короткой, как и разговор, Нуске даже дышалось легче. Он смеялся

над представлением местной актерской труппы, которая разыгрывала комедию в каких-то закоулках, потому что все увеселительные мероприятия были отменены из-за похорон. Он съел вкусную булочку, а вторую раскрыл и скормил воронам. Он всласть упился алкоголем и свалился с ног где-то в трущобах рядом с местными нищими, которые были в таком хмелю, что заголосили:

- Нашу смрадно посетил дух!
- Дух, спойте для нашей смрадни!
- Что угодно подойдет нашей смрадне!

И Нуска, смеясь, облокотился на кого-то из уже крепко спящих пьяниц и пропел:

*Шторм и ветер, как занавес, пали,
Я добрался до суши живым.
Но мечтал я о грубом штурвале
И о встрече со зверем морским.*

*Бесшабашная юность и глупость
Вынуждали в пучину нырнуть.
Беспробудную сладкую участь
Я отверг, не жалея ничуть.*

Тяжелее всего — быть человеком

Не так тяжело быть нищим. Не так тяжело быть сиротой. Да и не так уж тяжело быть и тем и другим одновременно.

Тяжелее всего на свете быть человеком. Именно об этом думал Нуска каждый раз, как открывал глаза в своем ветхом домишке в Хаване.

Мир был лишен красок, а воздух — запахов. Кто этот незнакомец, что прошел мимо дома? Хаванец, фасидец, рир? Неизвестно.

Однако художник, лишившийся рук, может научиться держать кисть пальцами ног. Но что же он будет делать, если выколоть ему глаза?

— Господин Нуска... все правда в порядке, не переживайте, — сказал Оанн, забинтовывая свою ногу какой-то тряпкой.

Перелом? Вывих? Ушиб?

Нуска ощупывал лодыжку своего подопечного уже в двадцатый раз, но, к сожалению, так и не мог поставить

диагноз. Раньше лекарь мог просто коснуться тела больного и увидеть, как по его телу циркулирует кровь, как бьется сердце, как работают печень, желудок. Теперь же он словно ослеп, а значит... стал совершенно бесполезным.

Оанн, чтобы не подливать масла в огонь, решил не обращаться к хаванским лекарям, но легче от этого никому не стало. Ушибленная нога заживала долго, а полукровка то и дело прыгал по дому, подволакивая изувеченную конечность. Когда Нуска уже не смог этого выносить, то разбил кружку. Тарелку. Затем на пол полетело все, что только можно было разбить в этом доме.

— Уходи. И если вернешься с больной ногой, то я примусь поджигать перекрытия, — сухо отрезал Нуска.

Оанн бросил на своего господина жалостливый взгляд. И вышел. Вечером он вернулся совершенно здоровый, но нашел Нуску сидящим на той же софе, на которую он рухнул еще днем.

Не шевелясь, почти не дыша, Нуска сидел, уставившись в пустую стену, на протяжении всего дня.

Он чувствовал себя инвалидом. Никому не нужным, всеми забытым. Прошел месяц, а из Эрьяры не было ни одной весточки. Нуска каждую неделю навещался к местным лекарям на странные процедуры, но те лишь разводили руками: никто не знал, как вылечить болезнь Нуски.

Пошел второй месяц. Днями напролет лекарь лежал, уткнувшись носом в обивку софы. Иногда Оанн пытался поднять господина и выманить его то выпивкой, то табаком, то вкусной едой, но все было безуспешно.

Однако... Нуска не мог долго сидеть на одном месте. Что-то внутри постоянно подмывало подняться и заняться хоть чем-то. Поэтому он нашел старые анатомические сборники и принялся изучать с еще большим усердием, чем в детстве.

Нуска не просто читал. Он запоминал расположение каждой косточки в теле, каждой артерии, соединения всех существующих сухожилий и мышц.

Оанн бегал вокруг, хлопотал, размахивал руками.

— Господин Нуска, вы вообще не едите и не спите! Да отбросьте книги, отдохните хоть немного...

— Оанн.

— Да? — с готовностью отозвался мальчишка.

— Найди мне труп.

Оанн горестно взвыл и упал рядом на софу.

— Почему вы никогда не прислушиваетесь ко мне?! Все лекари твердят, что вам необходимы отдых и покой, а вы что?

— А помогает их лечение? Нашел кого слушать. Если найдешь мне труп, то обещаю как следует поесть и поспать, — не отрываясь от книги, протараторил Нуска.

Уже на следующий день, когда стемнело, Оанн приволок завернутое в черное тряпье тело.

— Господин... куда мне...

— На стол, — спокойно отозвался Нуска и с готовностью поднялся со своего места. Засучив рукава, он направился на кухню и достал из ящика инструменты, очень напоминающие орудия пыток.

Оанн слотнул. Неужели его господин... тронулся умом? Сегодня он хочет кромсать трупы, а завтра что?..

— Господин... а зачем вам?.. — промямлил Оанн, однако с видом самой послушной собаки зашел следом на кухню и сбросил труп на стол.

— В научных целях. Раз я не могу лечить с помощью дэ, значит, должен научиться другим методам. Например, наши предки изучали строение человеческого тела на трупах, делали зарисовки, по которым сейчас обучаются хаванцы, а также проводили операции, после которых люди не только выживали, но и исцелялись. В своей практике